

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.6>

УДК 165.7

ББК 87.22

О ВОЗМОЖНОСТИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ И ЕЕ КРИТЕРИЯХ

Николай Николаевич Губанов

Доктор философских наук, доцент кафедры философии,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
gubanovnn@mail.ru
ул. 2-я Бауманская, 5, строение 1, 105005 г. Москва, Российская Федерация

Николай Иванович Губанов

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и истории,
Тюменский государственный медицинский университет
gubanov48@mail.ru
ул. Одесская, 54, 625023 г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Необоснованными являются попытки ряда философов устранить из философии и науки категорию истины и заменить ее понятиями смысла, достоверности, правдоподобия. Категория истины и в наше время – центральная категория гносеологии и важнейшее, незаменимое никаким другим понятие науки. Рассмотрены корреспондентская, когерентная, конвенционалистская, прагматистская, инструменталистская, консенсуалистская, интуитивистская, эмпиристская, психологистская концепции истины. Цель статьи заключается в обосновании гипотезы о возможности синтеза рациональных моментов отмеченных концепций и создания универсальной (общей) теории истины. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истины как знания, соответствующего действительности. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием. Выделены 5 критериев истины: эмпирическое подтверждение, базирующееся на статистически достоверном наблюдении (ведущий критерий); логическая доказуемость; эвристичность гипотез; простота; красота. В статье используется методология гносеологического реализма, основанная на признании принципиальной познаваемости любых сущностей.

Ключевые слова: истина, парадоксальная самореференция, концепции истины, универсальная концепция истины, критерии истины, эмпирическое подтверждение.

С самого начала возникновения философии категория истины была одной из важнейших ее категорий. Вспомним, что Пифагор, которому приписывается сам термин «философия», еще в VI в. до н. э. утверждал:

«...Иные... рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины» (цит. по: [15, с. 15]). Через два с половиной тысячелетия в 1928 г. один из виднейших ученых XX в. Г. Рейхенбах пи-

сал: «Важнейшей целью научной философии можно считать установление понятия объективной истины в качестве высшего критерия философского познания» [12, с. 17]. Таким образом, более двух с половиной тысячелетий философия была нацелена на постижение истины. А в настоящее время категория истины проблематизируется: некоторых философов «жадными» до истины уже нельзя назвать, поскольку у них наблюдается тенденция отказа от этой категории.

Отказ от категории «истина» проявляется в различной мере. А.В. Павлов пишет: «Истина гуманитарной науки... имеет творческий... исторически и регионально меняющийся характер и нередко обозначается более слабыми понятиями достоверности, правды и правдоподобия» [9, с. 233]. Но в чем их отличие от истины он не объясняет. В.М. Пивоев отмечает: «Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность, но в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и масс, категория “истинности” не вполне применима, поскольку приобретает субъективно-оценочный подтекст, здесь уместнее использовать категорию “достоверности”» [11, с. 99]. В чем заключается достоверность автор не сообщает.

Имеется также кардинальная позиция. Она состоит в признании того, что категория истины потеряла свое значение и должна быть устранена как из философского, так и из научного знания. На этой позиции стоят философы-постмодернисты Р. Рорти, Ж. Деррида и другие [3]. Среди российских авторов тоже есть лица, разделяющие указанную позицию. В журнале «Эпистемология & Философия науки» была проведена панельная дискуссия. Ведущим положением ее было обоснование необходимости смены в науке категории истины категорией смысла.

Эта позиция была характерна для Л.А. Марковой, А.П. Огурцова, Ю.С. Моркиной [10]. Л.А. Маркова полагает, что вместо категории истины в науке должна использоваться категория смысла. Она утверждает: «Нечеткость границы между классикой – неклассикой, истиной – ложью, субъектом – предметом приводит к понятию смысл, который при-

сутствует в каждой из сторон противостояния» [10, с. 53]. По мнению А.П. Огурцова, «вместо понятия “истина” теорию науки можно построить на основе понятия “правдоподобность научных теорий”» [10, с. 66].

И только единственный из участников дискуссии, А.Л. Никифоров, не согласился с попытками устранения из науки категории истины и отметил: «...Понятие смысла настолько неопределенно и расплывчато, что его использование для характеристики науки ничего не проясняет» [10, с. 62]. Итог упомянутой дискуссии сводится к тому, что как философия, так и наука не нуждаются в категории истины. Однако ученые, представители частных наук, никогда не согласятся с такой позицией. Ученые как искали, так и будут искать истину. Недаром издревле их называли рыцарями истины.

Взгляды Ж. Дерриды и других авторов, не признающих необходимость категории истины, порождают ситуацию, которую можно именовать парадоксальной самореференцией – необходимостью отнесения собственных ключевых положений к своему учению. Если деконструкция приводит к разрушению всех классических категорий, в том числе и категории истины, то Ж. Деррида и его единомышленники должны объяснить, полагают ли они, что обосновываемые ими положения истинны. Если их ответ утвердительный, то он логически непоследователен, поскольку раньше они утверждали, что истина отсутствует. Если же их ответ отрицательный, то есть признается, что их положения неистинны, то трудно всерьез принимать их ключевые положения. Таким образом, последовательное проведение положений постмодернизма вызывает их самоликвидацию: если истина вообще не существует, то утверждения постмодернистов тоже к истине не относятся. Решения этого парадокса нет ни у западных, ни у российских постмодернистов.

Мы солидарны с Ф.А. Селивановым [13], Г.Д. Левиным [8], С.А. Лебедевым [6] и другими авторами в том, что категория истины и в наше время – центральная категория гносеологии и важнейшее, незаменимое никаким другим, понятие науки. С.А. Лебедев, глубоко изучивший проблему научной истины, выделяет следующие ее теории: корреспондентскую

(аристотелевскую) – истина есть соответствие содержания знания об объекте самому объекту; когерентную – истина есть логическое соответствие некоторого высказывания другим высказываниям, принятым за истинные; конвенционалистскую – истина является условным соглашением об адекватности некоторого высказывания своему предмету; прагматистскую – истина есть теория, концепция, приносящие пользу, успех; инструменталистскую – истина – это знание, представляющее собой описание совокупности операций, ведущих к достижению цели или решению задачи; консенсуалистскую – истина – результат длительных когнитивных коммуникаций по достижению консенсуса среди членов научного сообщества о признании знаний в качестве истинных; интуитивистскую – истина – интуитивно очевидное знание, не нуждающееся в эмпирическом обосновании или доказательстве; эмпиристскую – истина есть или фиксация наблюдения, или знание, следствия которого подтверждаются наблюдением и экспериментом; психологистскую – истина – знание, в адекватность которого ученые верят [6, с. 8–9].

С.А. Лебедев справедливо полагает, что «главной объективной причиной неоднозначности решения проблемы истины... является качественное разнообразие различных видов научного знания» [7, с. 7]. По его мнению, «каждая из... концепций отражает... некоторый реальный аспект бытия реальной науки и процесса научного познания... Однако... у каждой из них есть и один достаточно серьезный изъян. Это их претензия на универсальность и необходимость» [7, с. 9]. Возможно ли создание универсальной, общей теории истины? Думается, что да. Наличие качественного разнообразия познавательных процессов и необходимость их постижения – это не какая-то уникальная, а типичная когнитивная ситуация, обусловленная диалектикой единичного и общего. Во всех сферах познание движется от знания единичного к знанию общего. Например, существует много энергетических процессов, но имеется общее понятие энергии. Врачи имеют дело с множеством заболеваний, но существует общее понятие болезни. И так везде и повсюду. Поэтому возможно и общее понимание истины. В противном слу-

чае мы бы перешли на позиции гносеологического номинализма: отдельные познавательные процессы есть, а общего понятия истины быть не может. По-видимому, общая теория истины еще не создана из-за чрезвычайной сложности и многообразия когнитивных процессов.

Какой же может быть эта общая, или универсальная, теория истины? Наша гипотеза заключается в следующем. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истинного знания. По словам Декарта, четко и наиболее кратко сформулировавшим главную идею теории корреспонденции, «истина... означает соответствие мысли предмету» [4, с. 604]. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием.

Философия производит рефлексию над всем человеческим опытом, включая туда повседневность, политическую, экономическую и культурную жизнь. При бытовых разговорах людей без высшего образования, при разговорах ученых, деятелей искусства, политиков, шоуменов, даже при детских разговорах слово «истина», заменяемое временами словом «правда», всегда обозначает истину о каком-то предмете, в чем-то, о какой-то реальности.

Истинное знание обязательно предполагает сведения об определенной внешней по отношению к сознанию человека действительности. Знание, ограниченное само в себе, не относящееся к действительности, обладать истинностью не может. В связи с этим мы и считаем, что только теория корреспонденции раскрывает сущность истины. Истинное знание всегда есть знание об определенном предмете, а не просто знание. Если отсутствует соотнесенность с предметом, то категория истины смыслом не обладает. Истины беспредметной, истинного знания ни о чем, не существует. Как справедливо отмечает В.В. Ильин, «познание бывает либо предметным, либо никаким» [5, с. 93].

И повсюду истина представлена соответствием знания своему предмету, то есть части действительности, с которой познающий человек взаимодействует. В философских и социально-гуманитарных науках истина, предметы и объекты познания обладают особенностями. Они имеют более выраженную, чем объекты естественных наук, степень уникальности, очень сложны и изменчивы, включают в себя субъективную реальность, которая не обладает физическими свойствами. Но эти особенности можно учитывать, не прибегая при этом к отказу от трактовки истинного знания как соответствия.

Однако в XX в. теория корреспонденции столкнулась с серьезными трудностями, что привело к отказу от нее ряда ученых и философов. Одна из трудностей связана с характером объекта изучения в квантовой механике; этот объект не является натуральным, а существует только в условиях экспериментальной установки, например, поток элементарных частиц. И возникает сложная проблема – можно ли к окружающей реальности отнести знания, полученные в эксперименте? Скорее напрашивался вывод, что эти знания можно отнести к сконструированной, но не объективной реальности, а выявление соответствия с объективной реальностью не имеет смысла. Вывод правдоподобен, но не адекватен. В неклассической физике проблема познания усложняется: необходимо, во-первых, соотнесение знания с эмпирическим объектом и, во-вторых, его соотнесение с дисциплинарной онтологией, то есть с физической картиной мира. Процедура «вписывания» знания об эмпирическом объекте в дисциплинарную онтологию является весьма сложной.

Наиболее уязвимой теория корреспонденции оказалась в ситуации, когда квантовая механика, космологические теории, теории происхождения жизни и другие столкнулись с невозможностью установления «соответствия знания предмету», отсутствием прямых эмпирических подтверждений выдвигаемых гипотез. Однако то, что не было эмпирических подтверждений, говорит не о том, что теория соответствия неверна, а о том, что эмпирические подтверждения еще не найдены. Все ученые настойчиво ищут эти подтверждения и рано или поздно их находят. Приведем изве-

стный пример из истории науки. В первой половине XIX в. существовали гипотезы о химическом составе Солнца. Но как верифицировать эти гипотезы никто не мог даже вообразить с учетом 150 млн км расстояния до Солнца и ее чудовищной температуры. О. Конт назвал химический состав Солнца и звезд непознанным и навеки непознаваемым фактом [15, с. 256]. Казалось бы, утверждение Конта неопровержимо. Но в 1859 г. Г. Кирхгор и Р. Бундзен изобрели спектральный анализ, с помощью которого был определен химический состав Солнца. На нем, кстати, был обнаружен в 1868 г. гелий, тогда как на Земле его нашли лишь в 1895 году. Мы не можем принципиально предсказать научные и технические открытия, ибо они бы перестали быть таковыми. Мы можем экстраполировать лишь имеющиеся тенденции. Поэтому никаких границ в постижении мира, в том числе эмпирической верификации гипотез, установить нельзя, поскольку мы не знаем, что может дать наука и техника в будущем.

Покажем далее возможное соотношение корреспондентской теории с другими учениями. В концепции когеренции, как известно, под истиной понимается такое знание, которое согласовано с другим знанием. Быть истиной означает служить элементом непротиворечивой системы знаний. Таким образом, концепция когеренции от предмета истины абстрагируется и поэтому сущность истины не раскрывает. Она описывает такие свойства истины: логическую непротиворечивость, системность, целостность. Благодаря указанным трем качествам истины функционирует логический критерий истинности – возможность доказательства адекватности определенных положений без эмпирической проверки. Поэтому концепция когерентности не альтернативна, как иногда считают, а дополнительна к теории корреспонденции и способна существенно обогатить последнюю.

Аналогично этому эмпиристская концепция Ф. Бэкона тоже не раскрывает сущность истины, а утверждает, что эмпирическое подтверждение – критерий истины. Конвенционалистская и близкая к ней консенсуалистская концепции описывают условия принятия научным сообществом знания как истинного. Как известно, нет окончательного ни эмпиричес-

кого, ни теоретического подтверждения истинности теорий. Эти учения могут показать, при каких обстоятельствах прерывается регресс в бесконечность при обосновании теории, и она признается истинной. Так, достижение консенсуса в ходе когнитивного переговора ученых в отношении принятия истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовало около 200 лет, неевклидовой геометрии – около 50 лет, квантовой механики – около 25 лет, частной теории относительности – около 15 лет [7, с. 17].

В прагматистской концепции сущность истины приравнивается к ее критерию, который, притом, толкуется неверно (польза в делах). Но при правильной трактовке из этой концепции можно извлечь рациональное зерно об условиях использования научного знания во благо, а не во зло людям. Инструменталистская концепция может раскрывать условия использования истинных знаний для эффективной теоретической и практической деятельности. Психологистская и интуитивистская концепции могли бы раскрыть роль субъективных факторов – интуиции, веры, воли – в порождении научной истины. Но в любом случае сущность истины – соответствие знания своему предмету. Таким образом, имеется перспектива синтеза на базе корреспондентской концепции рациональных моментов других учений и создания универсальной теории.

Перейдем теперь к проблеме критерия истины. Рационалисты Г. Лейбниц, Б. Спиноза, Р. Декарт таким критерием считали отсутствие сомнения, очевидность, отчетливость и ясность мысли. Конечно, отчетливость и ясность – положительные качества в мышлении (в сравнении с запутанностью и туманностью), но критерием истины их считать нельзя. Некоторые из заблуждений могут быть несомненными, отчетливыми и ясными, к примеру, впечатление о движении Солнца вокруг нашей планеты.

Представители прагматизма в качестве критерия истины полагали пользу. По их мнению, то знание истинно, которое приносит пользу человеку, служит основой его успеха в общественной деятельности, карьере, бизнесе. Действительно, адекватное знание может принести и приносит людям пользу, но и обман кому-то может быть полезным, даже бо-

лее полезным, чем сама истина. Поэтому, кстати, он существует и неудержимо распространяется.

Представители конвенционализма и консенсуализма в качестве критерия истины полагали соглашение ученых: истина – такое знание, которое ученые согласились считать истинным. Но история науки показывает, что критерием истинности соглашение ученых не является. Наблюдались ситуации, в которых большинство ученых признавало неистинной верную идею, и наоборот, ошибочную идею принимало за истинную. Не служит соглашением и причиной истинности. Ею является соответствие знания своему предмету. И если ученые в ходе когнитивных переговоров убеждаются, опираясь на доказательства, а частично на веру и интуицию, что такое соответствие имеет место, то в этом случае возникает консенсус по поводу того, что данное знание истинно. Следовательно, соглашение – следствие доказательства истинности данных положений.

Аналогичный конвенционалистскому показатель истинности знания признавал А. Богданов и другие сторонники теории общезначимости: истинным является знание, которое отвечает мнению большинства. Однако критерием истины общезначимость, как и научный консенсус, не является. Она – одно из возможных следствий истинности знания. Еще Р. Декартом справедливо отмечалось, что большинством голосов вопрос об истине не решается.

Представители тех областей духовной сферы, которые отличаются значительными элементами догматизма, под критерием истины нередко понимают мнение авторитета. Это относится к религии и политической идеологии недемократических режимов. Истинными здесь признаются положения, которые согласуются с высказываниями лидеров, выдержками из политических документов, религиозными текстами. В этих случаях лидерам неофициально, а в некоторых случаях и официально, приписывается непогрешимость, например, папе римскому.

Обычно авторитет бывает присущ людям компетентным, способным и благородным. Учет мнений авторитетных людей важен, конечно, в особенности молодым людям.

Но и носителю авторитета, как и любому человеку, свойственно ошибаться. Даже говорят иногда, что у великих людей бывают и великие заблуждения. Например, Г. Гегель разработал диалектику, но признал, что социальное и духовное развитие завершилось.

Итак, ни ясности и отчетливости мысли, отсутствию сомнения в ее правильности, ни пользе, ни соглашению ученых, ни мнению большинства людей, ни свидетельству авторитета нельзя приписать качество критерия истины. На основе анализа развития научного знания, истории развития познания вообще, можно заключить, что ведущий критерий истины – эмпирическое (опытное) подтверждение, которому подвергаются гипотезы и теории.

Опыт включает в себя наблюдение и практику (деятельность по изменению бытия, его преобразованию), в том числе научную практику – эксперимент. Основоположителем учения об опыте как критерии истины, по-видимому, следует считать Бэкона, который, в частности, писал: «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте» [1, с. 35]. В дальнейшем это учение в разных аспектах разрабатывалось Д. Локком, Л. Фейербахом, К. Марксом, Ф. Энгельсом, философами-неопозитивистами и большинством отечественных философов XX века.

Эмпирическое подтверждение имеет несколько форм, но базовый его элемент – наблюдение. Но не отдельное, единичное наблюдение, а статистически достоверное: в нем снято воздействие случайных, непредвиденных факторов, исключаются ошибки чувственного восприятия, погрешности приборов. Как базовый компонент критерия истины наблюдение бывает двух видов.

Первый из этих видов представлен чистым наблюдением, которое осуществляется без вмешательства в естественные процессы. Пример такого случая – подтверждение предположения У. Лавуазье о наличии неизвестной планеты телескопическим наблюдением И. Галле, обнаружившим ее всего в 52 минутах от предвычисленного места. Планета была названа Нептуном. Другой вид – наблюдение, входящее в состав практики, представленной деятельностью по изменению бытия.

Каждый вид познания характеризуется собственными видами подтверждения как критерия истинности знания. В естественных науках подтверждение представлено проверочными экспериментами (специфическим видом), промышленностью, техникой, сельским хозяйством (общими видами), в медицине – клинической практикой и частично экспериментами, в философии всей совокупной человеческой практикой.

Для понимания способа эмпирического подтверждения как критерия истины необходимо рассматривать цельный познавательный цикл, который представлен проблемой, гипотезой и теорией. Начинается научное познание постановкой проблемы, включающей в себя ряд вопросов о предмете познания на базе уже достигнутого знания. Усилия по решению проблемы порождают гипотезу – систему предположений, выдвинутых на базе имеющихся теоретических знаний и фактов. Гипотеза должна быть непротиворечивой, доступной эмпирической проверке, обладать предсказательными возможностями. Она должна не только объяснять те факты, которые использовались при постановке проблемы и выдвижении гипотезы, но и обязательно предсказывать новые факты.

Гипотеза имеет не достоверный, а вероятностный характер, она требует обоснования, проверки. С помощью умозаключений из гипотезы получают следствия – возможные факты, ожидаемые результаты. В последующем эти ожидаемые результаты сравнивают с данными опытной проверки, произведенной на базе данной гипотезы. В случае совпадения ожидаемых и практических результатов в ходе множества испытаний проверяемая гипотеза может быть признанной в качестве истинной и приобрести статус научной теории или стать ее фрагментом. Итак, опытная проверка, выступая как критерий истины, преобразует гипотезу в теорию. Последняя есть наиболее развитая форма знания, характеризующаяся целостным отображением существенных связей изучаемого предмета.

Если эмпирические и ожидаемые результаты находятся в резком противоречии, то гипотеза признается ошибочной и в последующем заменяется на другую. Но чаще эмпирической проверкой гипотеза в чем-то под-

тверждается, а в чем-то нет. В этом случае гипотеза видоизменяется, модифицируется и снова проверяется. В ходе проверок следует учитывать все наличные результаты опыта, а не только отдельные факты.

Использование ограниченной или устаревшей практики может послужить причиной заблуждения. Если выдвигается несколько гипотез, то более достоверной считается та из них, которая предсказала больше фактов, обнаруженных в реальности. Эмпирическая проверка корректирует гипотезу до тех пор, пока она не даст удовлетворительного объяснения всей совокупности имеющихся фактов. Доказательство истинности гипотетического знания в целом происходит в виде логически последовательной цепи рассуждений, а отдельные звенья ее – но не все, что невозможно – проверяются эмпирически.

Авторы, отрицающие необходимость понятия истины, используют известное кантовское положение о том, что человек знает только свои восприятия и не знает, каковы предметы вне восприятия, сами по себе. Они полагают, что критерий истины отсутствует, поскольку невозможно сопоставить предмет и знание о нем. Д. Юм, как известно, еще считал, что поэтому нельзя полагать, что объекты вообще существуют, может быть, их совсем нет. Однако этот аргумент не является опровержением концепции соответствия знания предмету. Да, И. Кант, Д. Юм и многие другие скептики и агностики правильно отмечали, что людям даны не сами предметы, а ощущения и восприятия. Они правы и в том, что человек не может свое знание прямо, то есть непосредственно, сопоставлять с предметом.

Но ими не принималось во внимание то, что человек имеет для этого косвенный, опосредованный опытом, способ, который представляет из себя сравнение двух образов [2]. Субъектом изучается объект и формируется знание о нем. Еще неизвестно, является ли оно истинным. Далее субъект оперирует полученным знанием по законам логики. Это приводит к созданию модели (образа) предполагаемых, ожидаемых явлений, то есть представления о них. Затем либо с помощью эксперимента, направленного на воспроизведение ожидаемых явлений, либо с помощью наблюде-

ния за естественным течением событий – в случае невозможности или ненужности эксперимента – субъект производит сравнение своей модели ожидаемых явлений с восприятием реальных явлений. И если происходит их совпадение, то субъект считает знание, из которого выведены ожидаемые и подтвержденные следствия, истинным, то есть соответствующим предмету.

Так, Д.И. Менделеевым при изучении свойств химических элементов был открыт периодический закон. На его основе им было предсказано, что существуют еще три неизвестных элемента. Им были также описаны свойства этих элементов. Предсказание Д.И. Менделеева полностью оправдалось: эти элементы были обнаружены и названы скандием, германием и галлием. Чем же объясняется совпадение модели предсказываемых явлений с образом реальных явлений? Только тем, что Д.И. Менделеев обладал знаниями, которые соответствовали реальности. А поскольку знания истинны, то и предметы этих знаний существуют.

Итак, совпадение ожидаемых результатов, умственно моделируемых, с результатами эмпирической проверки служит подтверждением как истинности знания, так и объективного существования внешнего мира. Для обеспечения достоверности ученые производят, конечно, не единственную, а много проверок. Развитие научного знания – это непрерывный ряд гипотез и их проверок. В результате этого гносеологически знание все больше приближается к предмету.

Относительно чувственных восприятий, которые представляют собой единственный непосредственный канал связи сознания человека с внешним миром и обязательно участвуют в эмпирической проверке знаний, можно отметить следующее: адекватность (информативный, образный характер) восприятий подтверждает факт успешной ориентировки субъекта в среде [14]. Если бы восприятия не были адекватными, то человеку пришлось бы наткаться на предметы, попадать под машину, падать в ямы, съедать несвежие продукты, обжигаться о горячие объекты и т. п. При некоторых условиях восприятия становятся неадекватными, что отражается в виде иллюзий и галлюцинаций. Это явление известно

тоже из практики, когда наблюдается нарушение ориентировки человека, и входит в предмет психиатрии.

Таким образом, эмпирическая проверка, представляющая собой ведущий критерий истины и состоящая в сравнении моделей ожидаемых явлений с образами действительных явлений, служит в качестве косвенного способа сопоставления знания с действительностью. И другим способом человечество не обладает, уж таковой является природа нашего познавательного процесса. И если кто-то этим огорчается, то, говоря словами известного классика, «ему уж ничем нельзя помочь». К нашему счастью, выдающиеся научные открытия и вся история науки демонстрируют, что отмеченное обстоятельство нельзя рассматривать как непреодолимое препятствие для развития науки. Ученые не обращают внимания на положение агностиков о принципиальной невозможности сравнения образа и предмета. Они используют отмеченный нами выше косвенный метод сравнения и делают одно за другим свои триумфальные открытия.

В определенной мере трудности при обосновании истинности знания преодолеваются благодаря существованию ее иных критериев. И один из таких критериев – логическая доказуемость. При его применении к эмпирической проверке непосредственно не прибегают, используя уже ранее удостоверенное знание. К примеру, ученым производится экспертиза проекта некоего технического устройства, разработанного инженером. При этом на основе физических данных и логичных рассуждений ученым делается достоверное заключение о возможности функционирования данного устройства. Однако в последующем с целью исключить воздействие непредвиденных факторов принятый проект испытывают на опытном образце. И если испытание успешно, то начинается массовое производство. Итак, логический критерий произведен от опытного в следующих отношениях: 1) логическое доказательство основано на положениях, которые ранее были подтверждены эмпирически; 2) полученный логическим способом результат вновь проверяется опытным способом.

Некоторую роль играет еще такой критерий истинности, как эвристичность – резуль-

тативность использования данного знания в последующем познавательном процессе. Мы имеем в виду, что знание может быть признано адекватным, если это знание дает возможность продуктивно решать новые когнитивные задачи. Для такого знания характерен опережающий теоретический рост в сравнении с возрастанием опытных данных. Указанный критерий отсеивает тривиальные идеи, которые не обеспечивают прирост информации. К таковым идеям относится, к примеру, идея энтелихии («непознаваемой жизненной силы») в медицине и биологии, идея Мирового разума («Абсолютного начала Вселенной») в космологии. Эти идеи дают псевдообъяснения и не обеспечивают никакого прироста знаний.

Если эмпирическая проверка либо невозможна, либо пока недостаточна, к примеру, в математике, геологии, палеонтологии, космологии, то кроме логического критерия могут быть использованы в качестве критериев простота и красота. Они представляют собой средство выявления предпочтительности в ходе выбора конкурирующих гипотез. Простота обеспечивает объяснение изучаемого предмета наименьшим количеством положений. Какая из предложенных гипотез является наиболее простой? Та, которая для объяснений новых эмпирических данных не использует новые непроверенные допущения и уловки.

Красота является эстетическим критерием. Она характеризует знание в аспекте субъективной удовлетворенности исследователя, зависящей от совершенства, гармонии гипотезы. По-видимому, данный критерий обладает некоторой эффективностью в силу того, что окружающий мир красив сам по себе. В результате этого и картина мира, которую дают науки, тоже должна обладать красотой. Ученый производит интуитивную оценку различных гипотез. Более гармоничная, стройная, изящная из них признается и более истинной. Последним двум критериям не присуща высокая надежность в сравнении с эмпирической проверкой, служащей наиболее надежным и определяющим критерием истины.

В заключение можно отметить, что имеется принципиальная возможность синтеза адекватных моментов имеющихся концепций истины и создания ее общей теории. Ядром такой объединенной теории может стать кон-

цепция корреспонденции, поскольку она фиксирует характер гносеологической связи между субъектом и объектом. А познавательный процесс протекает в системе субъект – объект, даже если объект человекоразмерный, а субъект как элемент входит в объект. Соответствие знания субъекта объекту как истинное и фиксирует концепция корреспонденции. Верификация этого соответствия осуществляется эмпирическим подтверждением, которое служит косвенным способом сравнения знания с реальностью посредством сравнения двух образов – ожидаемых явлений и реальных. Таким образом, любой ученый явно или неявно использует концепцию корреспонденции. Неявное использование концепции корреспонденции мы видим при квалификации научных кадров. В любой диссертации имеется определение предмета исследования и положений, выносимых на защиту. Задача соискателя показать соответствие его положений предмету. А это и есть истинность по концепции корреспонденции. Наибольший результат, по-видимому, может дать синтез концепций корреспонденции и когеренции. Первая из них выявляет сущность истинного знания, а вторая раскрывает его структуру и системность. Другие концепции истины также содержат адекватные моменты, и задача дальнейших исследований заключается в их экспликации и объединении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
2. Губанов, Н. И. Истина и ее критерии / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов, А. Э. Волков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. – 2014. – № 10. – С. 84–92.
3. Губанов, Н. И. Нищета философии постмодернизма / Н. И. Губанов // Философия и общество. – 2007. – № 1. – С. 54–68.
4. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
5. Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 168 с.
6. Лебедев, С. А. Курс лекций по философии науки / С. А. Лебедев. – М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014. – 318 с.
7. Лебедев, С. А. Научная истина и ее критерии / С.А. Лебедев // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2012. – № 4. – С. 7–22.
8. Левин, Г. Д. Истина и рациональность / Г. Д. Левин. – М. : Канон+, 2011. – 224 с.
9. Павлов, А. В. Логика и методология науки / А. В. Павлов. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 344 с.
10. Панельная дискуссия / Л. А. Маркова, А. Л. Никифоров, А. П. Огурцов, Ю. С. Моркина // Эпистемология & Философия науки. – 2009. – Т. XXII, № 4. – С. 48–77.
11. Пивоев, В. М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение / В. М. Пивоев // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – 2013. – № 3. – С. 91–101.
12. Рейхенбах, Г. Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
13. Селиванов, Ф. А. Благо, истина, связь / Ф. А. Селиванов. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. акад. культуры и искусств, 2008. – 260 с.
14. Царегородцев, Г. И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания / Г. И. Царегородцев, Н. И. Губанов // Вестник АМН СССР. – 1978. – № 4. – С. 64–70.
15. Царегородцев, Г. И. Философия / Г. И. Царегородцев, Г. Х. Шингаров, Н. И. Губанов. – Изд. 4-е. – М. : Изд-во СГУ, 2012. – 452 с.

REFERENCES

1. Bacon F. *Novvy Organon* [New Organon]. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 582 p.
2. Gubanov N.I., Gubanov N.N., Volkov A.E. *Istina i ee kriterii* [Truth and Its Criteria]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2014, no. 10, pp. 84-92.
3. Gubanov N.I. *Nishcheta filosofii postmodernizma* [The Poverty of Postmodern Philosophy]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2007, no. 1, pp. 54-68.
4. Descartes R. *Rassuzhdenie o metode* [Discourse on Method]. *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1989. 654 p.
5. Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshchie problemy* [The Theory of Knowledge. Introduction. Common Problems]. Moscow, Izd-vo MGU, 1993. 168 p.
6. Lebedev S.A. *Kurs lektsiy po filosofii nauki* [Lectures on the Philosophy of Science]. Moscow, Izd-vo MGU im. N.E. Baumana, 2014. 318 p.

7. Lebedev S.A. Nauchnaya istina i ee kriterii [Scientific Truth and Its Criteria]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 2012, no. 4, pp. 7-22.

8. Levin G.D. *Istina i ratsionalnost* [Truth and Rationality]. Moscow, Kanon+ Publ., 2011. 224 p.

9. Pavlov A.V. *Logika i metodologiya nauki* [Logic and Methodology of Science]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2010. 344 p.

10. Markova L.A., Nikiforov A.L., Ogurtsov A.P., Morkina Yu.S. Panelnaya diskussiya [Panel Discussion]. *Epistemologiya & Filosofiya nauki*, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 48-77.

11. Pivoev V.M. Sotsialnye i gumanitarnye nauki: spetsifika i sootnoshenie [Social and Human Sciences: Specificity and Ratio]. *Vestnik Ishimskogo gospedinstituta im. P.P. Ershova*, 2013, no. 3, pp. 91-101.

12. Reichenbach G. *Filosofiya prostranstva i vremeni* [Philosophy of Space and Time]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p.

13. Selivanov F.A. *Blago, istina, svyaz* [The Good, Truth, Connection]. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. akad. kultury i iskusstv, 2008. 260 p.

14. Tsaregorodtsev G.I., Gubanov N.I. Printsipialnye osnovaniya sushchestvovaniya adekvatnogo i znakovogo otrazheniya na chuvstvennoy stupeni poznaniya [The Fundamental Base of the Existence of Adequately-Foot Sign and Reflection on the Sensory Level of Cognition]. *Vestnik AMN SSSR*, 1978, no. 4, pp. 64-70.

15. Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.H., Gubanov N.I. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Izd-vo SGU, 2012. 452 p.

ON THE POSSIBILITY OF A UNIVERSAL CONCEPT OF TRUTH AND ITS CRITERIA

Nikolay Nikolaevich Gubanov

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman
gubanovnn@mail.ru
2-nd Baumanskaya St., 5/1, 105005 Moscow, Russian Federation

Nikolay Ivanovich Gubanov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of Department of Philosophy and History,
Tyumen State Medical University
gubanov48@mail.ru
Odesskaya St., 54, 625023 Tyumen, Russian Federation

Abstract. The attempts made a number of philosophers to exclude the category of truth from philosophy and science and to substitute it the notions of sense, authenticity and credibility, seem to be unfounded. Nowadays the category of truth is the central category of epistemology and the most important, irreplaceable concept of science. The authors study the correspondent, coherent, conventionalist, pragmatic, instrumentalist, consensus, intuitionism, empiricist, psychological conceptions of truth. The purpose of the article is to justify the hypothesis of the possibility of the synthesis of rational points in the mentioned conceptions and the creation of a universal (general) theory of truth. The concept of correspondence can become the core of the general theory of truth due to the fact that it reveals the essence of truth as knowledge. The remaining concepts reflect the different characteristics of true knowledge with varying degrees of adequacy, the conditions for its achievement, studies, research to inform operation, use, and in some cases, they identify the nature of truth and its criterion. The author allocated 5 criteria of truth: empirical evidence, based on a statistically significant observation (main criterion); logical provability; heuristic hypotheses; simplicity; beauty. The article applies the methodology of epistemological realism, based on the recognition of the fundamental knowability of any entity.

Key words: truth, paradoxical self-reference, concepts of truth, universal concept of truth, criteria of truth, empirical evidence.